

ЯЗЫКОВОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

LANGUAGE LAW

УДК 81.272

DOI: 10.37892/2713-2951-4-12-11-28

ДЕСЯТИЛЕТИЕ ЯЗЫКОВ КОРЕННЫХ НАРОДОВ: ВОПРОСЫ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ

Наиль М. Мухарямов

Казанский государственный энергетический университет,
Российская Федерация

В статье рассматриваются перспективы проведения объявленного ООН Международного десятилетия языков коренных народов в Российской Федерации и ее регионах в контексте правовой политики. Эта практика нормативного, концептуального и программного оснащения, представляющая более широкое поле действий властных субъектов и общественных сил и отличающаяся более широким набором инструментов по сравнению с процессом законодательства (в формально-юридическом смысле). Правовая политика включает многообразие методов создания официально-документальных предпосылок и подходов применительно к задачам в области социально-коммуникативной консолидации общества в сопряжении с культурно-языковым (этноязыковым) многообразием. В связи с Десятилетием языков коренных народов на этом направлении регулятивной деятельности возникают проблемы, связанные с тем, какие языки в России могут стать своеобразными выгодополучателями планируемых действий. Будут ли это языки коренных малочисленных народов, вошедших в формально закреплённый перечень? Или соответствующие меры могут вовлекать в поле внимания более широкое многообразие миноритарных этноязыковых коллективов вне статуса государственных («титულных») идиомов? Планируемая кампания также способна придать новые импульсы для конструирования региональной языковой политики в тех субъектах РФ, которые имеют не республиканский статус.

Ключевые слова: правовая политика, языковая политика, коренные народы, миноритарные языки.

A DECADE OF INDIGENOUS LANGUAGES: LEGAL POLICY ISSUES

Nail M. Mukharyamov

Kazan State Power Engineering University,
Russian Federation

The article discusses the prospects for holding the International Decade of Indigenous Languages declared by the UN in the Russian Federation and its regions in the context of legal policy. This is the practice of normative, conceptual and programme /agenda provisions, which represents the wider field of action for power subjects and social forces and is distinguished by a wider range of tools compared to the legislative process (in the formal legal sense). With regard to language regulation – including. Legal policy includes a variety of methods for creating official

documentary prerequisites and approaches in relation to tasks in the field of social and communicative consolidation of society in conjunction with cultural and linguistic (ethno-linguistic) diversity. In connection with the Decade of Indigenous Languages, problems arise in this area of regulatory activity related to which languages in Russia can become the peculiar beneficiaries of the planned actions. Will these be the languages of the indigenous nations included in the formally fixed list? Or can the corresponding measures involve a wider variety of minority ethno-linguistic communities without or beyond the status of state ("titular") idioms? The planned company is also able to give new impetus to the construction of a regional language policy in those subjects of the Russian Federation that have a non-republican status.

Keywords: legal policy, language policy, indigenous peoples, minority languages

Замыслы, программные ориентиры и конкретные меры, связанные с проведением Международного десятилетия языков коренных народов (2022–2032 гг.), провозглашенного на 74-й сессии Генассамблеи ООН¹, знаменуют новый этап формирования стратегического курса языковой политики в России. По случаю завершения Международного года языков коренных народов в 2019 г. на «мероприятии высокого уровня» был принят итоговый документ: Лос-Пиносская декларация (Мехико, Чапультепек). В конце февраля 2020 г. был дан старт новой компании. Отправной идеей стала острая необходимость в защите, возрождении и популяризации таких языков по всему миру. В ноябре 2021 г. на 41 сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО был презентован Глобальный план действий, связанных с Десятилетием.

В текущих геополитических и информационно-политических условиях принципиально важно отметить: Россия, по словам руководителя ФАДН И. Барина, одной из первых стран-членов ООН поддержала эту инициативу и приступила к ее реализации, потому что сохранение языкового многообразия является важнейшей задачей стратегии национальной политики Российской Федерации. «Представители нашей страны активно поработали в глобальной целевой группе, которая разработала глобальный план действий» [Барин, 2022].

Правительство России своим распоряжением (от 9 февраля 2022 г. № 204-р) утвердило План основных мероприятий по проведению в 2022–2032 гг. Международного десятилетия языков коренных народов в Российской Федерации. Весьма существенный аспект принятых тогда решений состоит в том, что разработать и утвердить свои планы мероприятий в этом направлении рекомендовано субъектам федерации (и не только тем, которые имеют республиканский статус и официально легализованное много- и двуязычие). Ответственным инстанциям вменено в обязанность предоставлять в ФАДН России всю полагающуюся информацию. Это свидетельствует о том, что задачи регулирования

¹ [N1938951.pdf \(un.org\)](#)

применительно к языковой жизни страны (включая языковое многообразие) со стороны публично-властных акторов перестают быть чем-то факультативным.

Языковая политика в России и ее регионах проводится в виде многочисленных практических мер и с использованием обширного инструментария аппаратного, академического, образовательного, культурного, издательского и медийного характера. При этом доктринальная оснащенность такой политики характеризуется неполнотой. Работа по составлению концепции государственной языковой политики усилиями ученых-лингвистов продолжается. Перспективы же такого политического документа или акта стратегического планирования, как «Основы государственной языковой политики», по видимому, еще не переведены в практическую плоскость. Десятилетие может дать здесь шансы для систематизации в обновленном виде. С учетом сказанного уместны некоторые соображения на предмет правовой политики в этой сфере.

Понятие «правовая политика» не имеет дискурсивного хождения в публичном информационном пространстве, которое было бы сопоставимо, например, с понятием «процесс законотворчества». Вместе с тем обращение к этому предмету может быть полезным с той точки зрения, что здесь в фокусе внимания оказываются различные способы выражения: не только «классические» источники права или акты, содержащие непосредственные юридические нормы-предписания, но более диверсифицированные варианты оформления социально-волевых установок. Это – концепции, доктрины, стратегии, основы государственной политики, программы... Словом, все то, где артикулируются проблемы, требующие решения со стороны властей и общественности, анализируется наличное состояние общественных отношений, формулируются принципы и приоритеты политико-управленческой деятельности, определяются те или иные подходы и инструменты (ресурсы), идентифицируются не работающие или устаревшие нормы и проч. Это существенно более широкое поле нормативной деятельности, осуществляемой не только через принятие дискретных решений в контексте строго регламентированных процедур юридической техники.

Так, наделение языков народов России тем или иным формально закрепленным статусом – государственным в российских республиках, официальным на местном уровне – составляет предмет законодательного регулирования на федеральном или региональном уровнях. Правовая же политика делает возможными более мягкие или гибкие способы, включая своеобразную «легитимацию» идиомов, которые не относятся к категории «титულных». Они могут занять положение феномена, который признан публичными властями. Это же касается также миноритарных языковых коллективов (региональных,

местных, дисперсных) как носителей собственных идентичностей, потребностей и запросов. Заметные этноязыковые (этнокультурные) общности не должны лишаться возможностей быть «поименованными», т.е. быть учтенными не только в социолингвистических описаниях и типологиях. Это может осуществляться и в официальных актах на разных управленческих контурах. Методология программирования действий в рамках Международного десятилетия языков коренных народов предоставляет для этого определенные поводы, прецеденты и приемы.

Использование понятийного аппарата, связанного с «языками коренных народов», изначально отмечено очевидной амбивалентностью. На этот предмет есть специальные разъяснения исследователей-языковедов. «У этого термина есть много разных смысловых обертонов, но в целом подразумеваются языки на своей исконной территории, подвергающиеся вытеснению. Обычно этот термин относится к языкам территорий, колонизованных в последние несколько столетий. В некоторых странах этот термин вовсе не употребляется. Применительно к Западной Европе он считается не политкорректным, поскольку коренными народами там являются французы, немцы, испанцы, а иммигранты, которые массово приехали в последние десятилетия, внедряются в эту языковую среду, и указывать, что они «некоренные», как бы обидно. Даже применительно к баскскому языку, языку древнейшего населения Европы, этот термин используется не всеми. Может, и не страшно, что понятие «коренные языки» имеет зыбкие границы, это же просто повод для обсуждения и привлечения внимания к проблемам малых языков [Кибрик, 2019].

Полисемия термина «коренные» – это, пожалуй, общее место большинства экспертных суждений на эту тему. В определенных контекстах применяется расширительное наполнение категории. Говоря о коренных народах, в этих случаях имеют в виду не все отличительные свойства отображаемого объекта, а лишь одно логическое ядро, или наиболее общий и существенный признак. В таком смысле «коренной» означает относящийся к самым ранним из известных обитателей местности и, в частности, к их социокультурным характеристикам. Часто при этом предполагается та коннотация, что эти жители населяли место до того, как оно перешло под владение пришлых людей, ставших впоследствии доминирующей частью населения. Чаще всего количественный демографический параметр – признак малочисленности – здесь не учитывается. В рамках такого подхода Д.Д. Богоявленский, к примеру, разъясняет: «В Российской Федерации живет около 100 коренных народов, т.е. таких, чья основная этническая территория находится в России. Кроме того, имеется еще более 60 народов/этнических групп, основная масса соплеменников которых живет за пределами нашей страны» [Богоявленский, 2018: 22].

Этот подход иногда находит свое применение также в текстах регионального «языкового» законодательства. Например, в Законе Республики Саха (Якутия) «О языках в Республике Саха (Якутия)», принятом в 1992 г. и действующем в редакции 2012 г. (1019 N 929-IV) содержится Статья 4 «Язык саха как язык коренной нации, давшей название республике, является государственным языком Республики Саха (Якутии). И далее закреплено: «Эвенкийский, эвенкийский, юкагирский, долганский, чукотский языки признаются местными официальными языками в местах проживания этих народов и используются наравне с государственными языками» (Статья 5). В этом акте «коренной» статус языков названных этнических групп не фиксируется. В другом нормативно-правовом акте – Законе «О статусе языков коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия)» от 20.02.2004 N 244-III – перечисленные языки отнесены к особой категории, определены как «национальное достояние Российской Федерации и Республики Саха (Якутия)», носителям которых гарантируются соответствующие права и поддержка со стороны республиканских властей [Закон Республики Саха (Якутия) от 20.02.2004].

При миноритарном подходе отмечается, что в 90 стран мира проживает более 476 млн представителей коренных народов, что составляет 6,2% населения планеты. Их представляет более 5000 различных групп. На коренные народы приходится подавляющее большинство из примерно 7000 языков мира, не менее 40% которых находятся под угрозой исчезновения [Права и возможности носителей языков коренных народов].

В российском официально-документальном обиходе понятие «коренные» используется применительно к исчерпывающему списку народов страны. Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 марта 2000 г. № 255 утвержден «Единый перечень коренных малочисленных народов Российской Федерации», в котором значатся около 50 общностей. Из них абазины (Карачаево-Черкесская республика), бесермяне (Удмуртская Республика), вепсы (Республика Карелия, Ленинградская область), водь (Ленинградская область), ижорцы (Ленинградская область), нагайбаки (Челябинская область), саамы (Мурманская область), сету (Псковская область), шапсуги (Краснодарский край) проживают в европейской части страны.

В России, судя по официальному сайту Всероссийской переписи населения [ВПН 2020], к коренным малочисленным народам относят этносы численностью не более 50 тыс. человек, которые проживают в местах своего исторического расселения, сохраняют свой язык, обычаи и промыслы и осознают себя как отдельный народ. Как правило, это сельские жители труднодоступных районов севера европейской части страны, Кавказа, Сибири и Дальнего Востока. Общая численность россиян, относящихся к коренным малочисленным

народам, согласно переписи 2010 г., составила 316 тыс. человек. Самые крупные из них – ненцы (44 640 чел.), абазыны (43 341 чел.) и эвенки (37 843 чел.). При этом в 2010 г. не было ни одного представителя народа алыторцы, входящего в официальный список 47 коренных малочисленных народов России, но 25 человек указали, что владеют алыторским языком. Самым малочисленным коренным этносом являются проживающие в Беринговском районе Чукотского автономного округа керекы, или как они сами себя называют – анкалгакку («приморские люди»). Во время переписи 2010 г. керекы назвали себя всего четыре человека, а владели керекским языком десять человек в стране. Керекы были включены в перечень коренных малочисленных народов России в 2000 г. Этот список был сформирован и корректируется на основе данных, полученных в ходе Всероссийских переписей населения [Малые народы большой России в переписи населения].

Как отмечалось во время работы II Форума коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока при участии таких организаций, как Северный Форум, Арктический Совет, Университет Арктики и других, численность таких народов за последние 30 лет увеличилась более чем на 30% [ТАСС, 2021].

Общепризнанного универсального понимания точных критериев для выделения коренных народов как строго очерченной категории национальных меньшинств не существует, в том числе в зарубежном академическом и общественно-политическом дискурсах.

В публичном информационно-политическом пространстве отмечают семантическую, когнитивную многозначность англоязычного термина “indigenous”, широко используемого в международном правовом дискурсе. Это слово обычно переводится применительно к этнокультурным и этноязыковым сообществам или к населению как «коренные», но также и как 1) «туземные, местные», 2) «природные, врожденные». При этом естественным образом возникают некоторые разночтения и смысловые нюансы. С одной стороны, здесь может подразумеваться что-то такое, что связано со свойствами автохтонности, с признаками старожильческого пребывания в той или иной местности (в коннотациях «коренного жителя», «коренного населения»), и что часто приводит к стиранию официально-юридического и обиходного словоупотребления. С другой стороны, – это имплицитные моменты, включающие нечто экзотическое по сравнению с доминирующими культурными характеристиками, со спецификой природно-ландшафтных условий проживания и хозяйствования, как правило, ассоциирующейся с геокультурными и геоэкономическими свойствами этнической самости.

Один из вариантов содержательного определения категории «коренные народы» предложен известным канадским философом Уиллом Кимликой, активно разрабатывающим

теоретические аспекты этнокультурного многообразия в современном мире и проблематику мультикультурализма. Автор специально подчеркивает, что общепризнанного определения того, что такое «коренные народы», нет. Такие социальные образования, согласно проводимой им типологии, включают два крупных подкласса:

– «субгосударственные нации», которые сейчас не имеют своего государства, где они составляли бы большинство населения, но могли иметь такое государство в прошлом (до того, как были аннексированы, завоеваны, либо образовали федерацию с другими нациями), или, иными словами, они представляют собой «проигравших соперников», претендующих на всю полноту собственных социально-экономических и административно-управленческих институтов по модели национальных государств, примером чего служат каталонцы, баски, фламандцы, шотландцы, валлийцы, корсиканцы, пуэрториканцы и квебекцы;

– «коренные народы», территории обитания которых когда-то были захвачены поселенцами и присоединены к государству с иной доминирующей культурой, рассматриваемой в качестве «иностранной», а соответствующими притязаниями в данном случае становятся не требования самоопределения в форме сепаратизма, а цели сохранения культурной самобытности и традиционной общественной самоорганизации, признания равных прав и гражданского достоинства, как это происходит, в частности, в случаях с саамами, инуитами, маори или американскими индейцами и т.п. [Кимлика, 2010: 442–443].

Этот исследовательский подход перекликается с позициями составителей «Декларации Организации Объединенных Наций о правах коренных народов: руководство для национальных правозащитных учреждений» [Декларация ООН о правах коренных народов, 2013].

Следует оговориться: на сессии Совета ООН по правам человека (Женева, 29 июня 2006 г.) проект названной Декларации ООН поддержали 30 государств-членов Совета, 12 стран воздержались, делегации России и Канады голосовали против. В сообщении МИД РФ для печати были приведены разъяснения позиции российской стороны по мотивам голосования: «Прежде всего, речь идет о статье о праве коренных народов на самоопределение, которая, к сожалению, не сопровождается оговоркой о том, что она применяется в рамках национальных правовых систем и с учетом положений конституций стран и не может толковаться в качестве основания для нарушения территориальной целостности государств. В случае, если бы такое уточнение было сделано, мы смогли бы поддержать эту статью. Кроме того, в противоречие с российским законодательством вступают статьи о правах коренных народов на земли, территории и ресурсы. Такими

правами обладают все народы страны, а не только коренные» [Министерство иностранных дел РФ, 2006]. Во время финального принятия этого документа в 2007 г. российская сторона воздержалась от голосования.

Названная публикация как таковая, однако, представляет определенный интерес. В ней содержатся показательные, с точки зрения политико-социологических интерпретаций, концептуальные подходы:

– против принятия формального определения понятия «коренные народы» высказались сами представители этой категории этно-социальных сообществ, при этом отмечая «необходимость гибкости и уважения желания и права каждого коренного народа самостоятельно определить свое место в обществе», а также то обстоятельство, что народы, относимые к этой категории «пострадали от определений, навязанных им посторонними»;

– предложенная экспертно-аналитическая дефиниция «коренных народов» по смыслу фиксирует те же признаки, о которых говорит У. Кимлика: сохранение традиционных черт жизненного уклада с «доколониальных» времен, традиционных «социальных институтов и правовых систем», идентичности; «Это оставляет за такими общинами право и суверенную силу решения о том, кто входит в их состав, без постороннего вмешательства» [Декларация ООН о правах коренных народов, 2013: 6–7].

Обращает на себя внимание также то, что авторы этой публикации, выпущенной под эгидой ООН, сами призывают отойти от своеобразной «аборигенной» логики, делая упор на самоидентификацию как решающий признак и резко выделяющей данную группу среди других групп государства [Там же: 8].

По ряду соображений очевидно, что такой способ понимания применительно к российским условиям вряд ли может расцениваться как пригодный даже для ограниченной имплементации в методологическом плане для разработки государственной национальной политики Российской Федерации и в политико-правовом обеспечении языковой политики.

Нетрудно заметить, что вся дискурсивная стилистика этой Декларации строится на идейных принципах критических социальных теорий, в том числе принципов критической лингвистики. Среди таких ориентиров Рут Водак, к примеру, называет «разоблачение неравенства и несправедливости, лишение идеологий их естественности, раскрытие отношений доминирования и власти и сообщение об этих отношениях тем, кто страдает от угнетения, – таковы цели, которые сторонники критической лингвистики считают желательным и возможным реализовать» [Водак, 2011: 287].

Существует ряд заслуживающих внимания доводов на предмет непосредственной имплементации приведенных положений из Декларации в правовой идеологии, лежащей в основе российской языковой политики.

Во-первых, неубедительной с теоретико-социологической точки зрения выглядит подход, фактически приравнивающий два самостоятельных аспекта анализа: этнокультурный (этнологический) ракурс, с одной стороны, и страто-центричный аспект, для которого характерны социально-структурные единицы (такие, как «слои общества»), с другой стороны. С этой точки зрения некорректно соотносить «коренные общины, народы и нации» с «другими слоями общества», занимающими преобладающие и доминирующие позиции в обществе, как это можно понимать из приведенной выше цитаты.

Во-вторых, не может не вызывать существенных сомнений универсальная применимость в правовом смысле *de facto* принципа двойной или параллельной юрисдикции применительно ко всем культурно отличающимся общностям, когда эти последние наделяются «суверенными» полномочиями определять (фактически – предписывать) соответствующее членство. По-видимому, в данном случае имеет место необоснованная экстраполяция модели, характерной для моделей общественной организации в современных условиях некоторых североамериканских племен в США и Канаде – Native Americans, First Nations – сочетающих гражданство (институт связи индивида с государством) и формальное закрепление принадлежности к племенным общностям (связь индивида с досовременными типами групповой лояльности).

В-третьих, заведомо неприемлемым для государственной национальной политики Российской Федерации с ее духом гражданской консолидации общества, включая установки на бережное отношение к его этнокультурному и этноязыковому многообразию, выглядит навязчивое культивирование исторической памяти многих народов, в которой доминируют комплексы виктимности. Эксплицитное предписывание самобытным этническим сообществам чувства неполноценности, ущемленности, стигматизированности, травматического восприятия своего прошлого означает увековечение (как чего-то фундаментально непреходящего) конфликтного потенциала в качестве органичной составной части идентичности. Политико-психологическая атмосфера, характерная для ситуации вокруг движения BLM в США, наглядно продемонстрировала, какими последствиями могут оборачиваться экзальтации вокруг исторического раздувания расовых проблем.

Для осмысления перспектив российской государственной языковой политики важным ориентиром выступает соединение двоякого рода задач. Это укрепление языковой (в целом

социально-коммуникативной) связанности общества, с одной стороны, и достижение устойчивого воспроизводства этноязыкового многообразия как цивилизационного достояния, с другой стороны. Кампания, связанная с Десятилетием, не должна ограничиваться рамками только лишь языков, являющихся родными для коллективов численностью меньше, чем 50 тысяч – актуальных или потенциальных – носителей, или рамками тех или иных «закрытых» перечней народов и их языков. Это затрагивает не только морально-политические стороны темы, но и практические механизмы властно-управленческого регулирования применительно к культурно-языковому многообразию, в том числе – с точки зрения распределения внимания и ресурсов.

Пафос и замысел Десятилетия изначально предполагают в числе прочего и такие не исключаящие способы видения предмета. «Глобальный план действий, как гласит один из программных документов Десятилетия, – опирается не на рестриктивный, а на широкий подход к языкам коренных народов, способствуя инклюзии родных языков, которые он определяет как языки, в настоящее время или исторически используемые коренными народами и считающиеся неотъемлемой частью их наследия, систем знаний или идентичности. Языки коренных народов могут также использоваться другими лицами, не принадлежащими к коренным народам. Определение коренных народов стало процессом длительных политических дискуссий в Организации Объединенных Наций и было закреплено в ряде нормативно-правовых документов, прежде всего в Декларации ООН о правах коренных народов. Самоидентификация коренных народов включает особые культурные традиции и тесную традиционную связь с определенной территорией и определенным языком. *С учетом того, что цель Десятилетия – не оставить никого позади, пользователи других языков (в виде как устной речи, так и языка жестов), часто называемые языковыми меньшинствами, пользователи менее распространенных языков и языков, которым грозит исчезновение, будут выступать в качестве как движущих сил текущего процесса, так и его бенефициаров* (выделено мною. – Н.М.). Это основывается на принципах недопущения дискриминации, права на развитие и инклюзию, а также равного и справедливого шанса на доступ к возможностям, имеющимся в обществе; при этом, однако, следует учитывать, что основное внимание в рамках Десятилетия уделяется языкам коренных народов» [Глобальный план действий...: 41].

Намечаемые в российских условиях меры далее нецелесообразно строить на упомянутом «аборигенном» принципе. Существуют определенные – хотя, в известном смысле. и косвенные – свидетельства того, что расширенный подход к программированию мероприятий характерен и для документов универсальных межправительственных

организаций (ООН, ЮНЕСКО). Здесь, как правило, не фигурируют какие-то закрытые, исчерпывающие перечни языков коренных народов, а также не артикулируются конкретные признаки и критерии, позволяющие квалифицировать языки в названном качестве. Не используются ни критерии демографического порядка, ни характеристики и параметры коммуникативной мощности и функциональной развитости языков. Более того, в документах ЮНЕСКО по итогам проведения в 2019 году в контексте проведенных исследований (опросов) выделены 220 языков [Evaluation of UNESCO'S Action..., 2021].

С оговоркой, что это не отражает позицию ЮНЕСКО, в документе представлен перечень языков, которые вошли в качестве предмета в проводимый исследовательский обзор в качестве релевантных случаев «возрождения (revitalization) и продвижения языков коренных народов». В соответствующий массив включают в том числе ряд языков коренных народов РФ (в традиционном понимании) – например, это вепсский, долганский, нганасанский, нивхский, саамский, чукотский, караимский, корякский, лакский, селькупский, шорский, чукотский, эвенкийский языки. Однако при этом в тот же перечень вошли башкирский, бурятский, ительменский, кабардино-черкесский, карельский, чувашский, карельский, коми язык, марийские, татарский, якутский.

Иначе говоря, в поле зрения Десятилетия потенциально включаются не только языки, традиционно ассоциирующиеся с критериями «коренных народов», о которых было сказано выше. Внимание привлечено также и к языкам, которые наделены статусом государственных языков российских республик, а также к языкам, не входящим в категорию тех, которые находятся явным образом под угрозой исчезновения в обозримой перспективе.

В названном выше перечне фигурируют языки, функционирующие в разных странах, в том числе, обладающие солидными характеристиками демографической и коммуникативной мощности, развитой функциональностью и давней филологической традицией, правовым статусом государственных или официальных языков. Это, например:

- язык фиджи;
- ассамский язык (один из 23 официальных языков Индии с 15 млн носителей);
- язык зулу (один из 11 официальных языков ЮАР с 12 млн носителей и второй по распространенности из языков банту в Южной Африке);
- язык кечуа (14,4 млн носителей. Государственный язык в Перу и Боливии);
- каренский язык (7 млн носителей);
- кхмерский язык (обладатель одной из самых древних систем письма, государственный язык Камбоджи с 14,5 млн носителей, распространенный также в Таиланде, Вьетнаме и Лаосе) [Evaluation of UNESCO'S Action..., 2021].

Еще один красноречивый пример – присутствие в списке уэльского (валлийского) языка, которым владеют 562 тыс. человек (по данным 2011 г.). Этот язык имеет официальный статус в Уэльсе и, тем самым, юридически признан официальным в любой части Соединенного Королевства. Он расценивается ЮНЕСКО как единственный из кельтских языков, который не находится под угрозой исчезновения. На этом языке ведется теле- и радиовещание, выходят печатные СМИ и сотни наименований книжной продукции ежегодно. Правовая политика, ориентированная на поддержание этноязыкового многообразия в России и ее регионах, представляет собой многоуровневую нормативную практику. Это относится и к территориально-пространственным характеристикам, и к регуляторному инструментарию.

Особенностью российского «языкового» законодательства – федерального и регионального – выступает в числе прочего то, что в большинстве случаев в качестве предмета правового регулирования указываются не собственно общественные отношения, но многочисленные конструкции, относящиеся непосредственно к языкам, *имплицитно* понимаемым в системном смысле, т.е. как коды или «идиоэтнические» языки как таковые. Юридические конструкции выглядят в типичном варианте – «равноправие языков» («языки имеют равные права»), «создание условий для сохранения и равноправного самобытного развития народов Российской Федерации», «равноправное функционирование», «использование языков местного населения» и т. п.

К примеру, в Законе Республики Алтай «О языках народов, проживающих на территории Республики Алтай» (в последней редакции от 2012 г. N 46 – РЗ) среди основных принципов языковой политики (что само по себе представляет весьма редкое исключение) закрепляется «языковое равенство каждого человека». «Языковой» закон Башкортостана определяет «условия сохранения и равноправного развития языков народов Республики Башкортостан». С точки зрения юридической техники во многих случаях первоначальная формула российского закона 1991 г. «государственной гарантии языкового суверенитета народов и личности» была впоследствии заменена положением о «государственных гарантиях равноправия языков народов Российской Федерации». Иначе говоря, языки как таковые эксплицитно были наделены свойствами правосубъектности, что так или иначе было воспроизведено в корпусе республиканских «языковых» законов. Это, по-видимому, своеобразный эффект декларативности в законотворчестве, призванный отразить идейно-правовую установку на уважительное отношение ко всем языкам, являющимся для граждан страны родными. Однако при этом в законодательстве чаще всего не «поименованы» языки («идеоэтнические» коды), отличные от так называемых «титულных» языков.

В целом правовые конструкции, номинирующие (категоризирующие) миноритарные этноязыковые группы, формулируются, как правило, в максимально обобщенном виде. В корпусе законодательных актов, включая Конституцию Российской Федерации (Статья 71), термин «национальное меньшинство» используется в общем значении и без конкретизации и при отсутствии нормативной дефиниции. В действующем «языковом» федеральном и региональном законодательстве также, как правило, говорится о «языках народов», проживающих на той или иной территории, без указания на то, какие именно языки и группы их носителей имеются в виду в отдельных случаях. Более того, сначала Закон СССР «О языках народов СССР» (от 24 апреля 1990 г.), затем Закон СССР «О свободном национальном развитии граждан СССР, проживающих за пределами своих национально-государственных образований или не имеющих их на территории СССР» (от 26 апреля 1990 г.) создали прецедент определения миноритарных этноязыковых коллективов по логике «от противного». В первом из названных правовых актов содержалась Статья 19 «Использование языков в местностях компактного проживания иноязычного населения в союзных и автономных республиках», подразумевая, что в местах компактного проживания это – «язык большинства населения данной местности». По-видимому, законодатель в условиях дезинтеграции союзной государственности в спешке счел возможным использовать формулу из «Большой советской энциклопедии» середины 1950-х годов: национальные меньшинства это – «в СССР национальности, живущие вне своих национальных республик либо не имеющие их» [Национальные меньшинства, 1954: 295].

Впоследствии формула переключалась в российское законодательство о языках в виде конструкции «в местах компактного проживания населения, не имеющего своих национально-государственных и национально-территориальных образований или живущего за их пределами, наряду с русским языком и государственными языками республик, в официальных сферах общения может использоваться язык населения данной местности». Нет нужды специально обосновывать, каким диссонансом подобные определения звучат в контексте современных ориентиров национальной и языковой политики в Российской Федерации. В связи с этим можно предположить, что среди неотложных задач правовой политики в области языковой жизни российского общества – идентификация таких анахроничных норм, с одной стороны, и «инвентаризация» терминологического аппарата с точки зрения научной корректности, с другой стороны.

Языки некоторых коренных малочисленных народов в разные годы получали и получают законодательное закрепление и особый статус на уровне субъектов РФ. В Республике Саха (Якутия), как уже было сказано, это долганский, чукотский, эвенкийский,

эвенский и юкагирский языки, которые наделены статусом «местных официальных языков»; В Сахалинской области – это языки нанайцев, нивхов, ороков (ульта), эвенков; в Ханты-Мансийском автономном округе – языки хантов, манси, ненцев; в Ямало-Ненецком автономном округе – ненецкий, хантыйский, селькупский языки; в Красноярском крае закон (от 5 ноября 2015 г. N 9-3816) «О родных (национальных) языках коренных малочисленных народов, проживающих на территории Красноярского края» относит к этой категории языков долганский, кетский, нганасанский, ненецкий, селькупский, чулымский, эвенкийский, энецкий языки; закон «О языках коренных малочисленных народов Севера, проживающих на территории Таймырского (Долгано-Ненецкого) автономного округа» (утратил силу в 2015 г.) – языки долган, ненцев, энцев, эвенков, нганасан и других.

В некоторых республиканских «языковых» законах закреплены нормы о языках этнических коллективов в местах их компактного проживания. В Республике Алтай это казахи («казахский язык используется в официальных сферах общения в местах компактного проживания его носителей»). В этом субъекте РФ, как можно попутно заметить, в законодательстве используется понятие «диаспора»: «Республика Алтай оказывает помощь этническим группам, а также национальным диаспорам в издании учебно-методической, художественной литературы на родном языке (в ред. Закона Республики Алтай от 10.07.2012 N 46-РЗ)». В Республике Бурятия Статья 12 «языкового» закона, ранее гласившая, что «в местах компактного проживания малочисленного в Республике Бурятия населения других национальностей (эвенки, татары, немцы и др.) наряду с государственными языками в деятельности государственных органов, делопроизводстве, оформлении документов, проведении выборов и референдумов может использоваться язык большинства населения данной местности», была исключена (Закон Республики Бурятия от 29.09.2003 N 467-III). В Законе Республики Мордовия «О государственных языках в Республике Мордовия» (от 24 апреля 1998 года) содержится положение: «В национальных мордовских и татарских селениях, статус которых определен в соответствии с законом Республики Мордовия, создаются условия для более углубленного изучения родного языка» (Статья 10).

В субъектах Российской Федерации начато планирование проведения Международного Десятилетия языков коренных народов. Эта работа включает в свой предмет не только языки народов, формально включенных в соответствующий перечень «коренных малочисленных народов».

План, принятый, например, в Свердловской области, предполагает мероприятия на основе, так сказать, «инклюзивного» подхода. Это и «Организация целевого обучения лиц из числа коренных малочисленных народов Российской Федерации по образовательным

программам среднего профессионального и высшего образования (“Образование и педагогические науки”, “Языкознание и литературоведение”, “Культуроведение и социокультурные проекты”)), но также и «Предоставление субсидий некоммерческим организациям на реализацию проектов, направленных на сохранение русского языка, в том числе русского языка как государственного, а также на сохранение и развитие национальных языков, в том числе языков народов Российской Федерации». В Нижегородской области в ходе Десятилетия предполагаются культурно-просветительские и фольклорно-этнографические события, посвященные русской литературе, литературам и языкам татар, мордвы, чувашей, марийцев.

В Краснодарском крае планируется ежегодное проведение мероприятий, посвященных Дню адыгейского (черкесского) языка и письменности, а также семинаров и выставок. В Ставропольском крае – это регулярное проведение виртуальной выставки “Языковое многообразие народов Кавказа”. В Вологодской области предполагается уделить отдельное внимание языку вепсов; в Мурманской области – саамскому языку; в Кемеровской области – языкам шорцев и телеутов.

В Республике Татарстан планом проведения Десятилетия предусмотрена регулярная работа (создание программ и учебно-методических комплексов, словарей и разговорников по родным языкам жителей республики, оцифровка научного и культурного наследия, конференции, олимпиады, фестивали, конкурсы...), связанная с русским и татарским языками, с тюркской лингвокультурологией, с языками – чувашским, удмуртским, марийскими и мордовскими. В плане значится также: «Оказание содействия в организации комплексных научных экспедиций в населенные пункты Республики Татарстан с компактным проживанием чувашского, удмуртского, марийского, мордовского населения 2022–2032 гг. (ежегодно); Организация фольклорно-этнографических экспедиций в русские села Республики Татарстан с целью изучения народных традиций, духовной культуры и быта русских, проживающих на данной территории».

В свете сказанного планирование мероприятий Десятилетия языков коренных народов нецелесообразно ограничивать лишь сферами функционирования языков малочисленных народов России и, тем более, мероприятиями технического порядка (рассчитанными на поддержку систем письма, использования каких-то графических приемов в цифровой сфере и проч.).

Было бы недостаточно продуктивным ограничивать проведение мероприятий в рамках объявленной глобальной кампании столь высокого уровня только лишь теми языками, которые включены законодательно в соответствующий закрытый перечень.

Понятно, что «Единый перечень коренных малочисленных народов Российской Федерации» мотивирован не столько культурно-языковыми соображениями, сколько обстоятельствами, связанными со спецификой социально-экономического развития, традиционных способов хозяйствования, природопользования, демографией, а также с определенными предпочтениями

Целесообразно действовать таким образом, чтобы Десятилетие стало символическим ресурсом и поводом для привлечения внимания к проблематике этноязыкового многообразия России в целом, поводом для мобилизации дополнительных усилий в области федеральной, региональной и местных повесток при формировании современных моделей языковой политики.

Литература

- Баринов И.* (2022) Сохранение языкового многообразия – важнейшая задача стратегии национальной политики России // Комсомольская правда. 22 февраля 2022 г. Режим доступа: <https://www.kp.ru/daily/27368/4549442/> . Дата обращения: 02.11.2022.
- Богоявленский Д.Д.* (2018) Этнический состав населения и владение языками // Этническое и религиозное многообразие России / Под ред. В.А. Тишкова, В.В. Степанова. 2-е изд., исправленное и дополненное. – М.: ИЭА РАН. С. 22–61.
- Водак Р.* (2011) Критическая лингвистика и критический анализ дискурса // Политическая лингвистика. № 4 (38). С. 286–291.
- Глобальный план действий. Международное десятилетие языков коренных народов (2022–2032) // Режим доступа: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000379851_rus/PDF/379851rus.pdf.multi. Дата обращения: 09.11.2022.
- Гурьянов С.* (2022) Дайте только знак: кому нужны новые алфавиты // Известия. 24 февраля 2022 // Режим доступа: <https://iz.ru/1295465/sergei-gurianov/daite-tolko-znak-komunuzhny-novye-alfavit>. Дата обращения: 09.07.2022.
- Декларация Организации Объединенных Наций о правах коренных народов: Руководство для национальных правозащитных учреждений (2013) // Режим доступа: UNDRIPManualForNHRIs_ru.pdf. Дата обращения: 02.06.2022.
- Закон Республики Саха (Якутия) от 20.02.2004 N 244-III «О статусе языков коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия)» // Режим доступа: <https://www.sakha.gov.ru/zakon-respubliki-saha-jakutiya-20-fevralja-2004-goda-111-z-n-243-iii-o-statuse-jazykov-korennyh-malochislennyh-narodov-severa-respubliki-saha-jakutiya>. Дата обращения: 01.06.2022.
- Кибрик А.А.* «Исторический шанс есть, и надо его использовать» (2019) // Институт языкознания РАН. Новости. Режим доступа: https://iling-ran.ru/web/ru/news/190801_kibrik . Дата обращения: 01.11.2022.
- Кимлика У.* (2010). Современная политическая философия: Введение. М.: ВШЭ.
- Малые народы большой России в переписи населения // Всероссийская перепись населения 15 октября – 14 ноября 2021 года. Пресс-релиз. Режим доступа: <https://www.strana2020.ru/mediaoffice/malye-narody-bolshoy-rossii-v-perepisi-naseleniya/#:~:text=По%20данным%20Всероссийской%20переписи%20населения,46%20являются%20коренными%20малочисленными%20этносами>. Дата обращения: 30.10.2022.
- Министерство иностранных дел Российской Федерации. О решении Совета ООН по правам человека по Декларации о правах коренных народов. Сообщение для печати от

30.06.2006 // Режим доступа: https://www.mid.ru/en/foreign_policy /humanitarian_cooperation/1596259/?lang=ru. Дата обращения: 05.09.2022.

Национальные меньшинства // Большая советская энциклопедия. М.: БСЭ, 1954. Т. 29.

Права и возможности носителей языков коренных народов // Российская государственная библиотека. Выставка с 4 апреля по 30 июня 2022 года. Режим доступа: <https://www.rsl.ru /ru/events/afisha/vistavki/prava-i-vozmozhnosti-nositelej-yazykov-korennyix-narodov>. Дата обращения: 01.11.2022.

ТАСС. Численность коренных малочисленных народов в России выросла более чем на 20% за 30 лет (2021) // Режим доступа: <https://tass.ru/obschestvo/11076891>. Дата обращения: 09.11.2022.

Evaluation of UNESCO'S Action to revitalize and promote indigenous languages. March 2021 // Режим доступа: [attach_import_35fe0e5c-4c32-4daa-936e-35e44b8d6abe?_ =376719eng.pdf - Yandex.Documents](attach_import_35fe0e5c-4c32-4daa-936e-35e44b8d6abe?_=376719eng.pdf - Yandex.Documents). Дата обращения: 06.06.2022

References

- Barinov, I.* (2022) Sohranenie jazykovogo mnogoobrazija – vazhnejshaja zadacha strategii nacional'noj politiki Rossii [Preservation of language diversity is the most important task of the strategy of national policy of Russia] // Komsomol'skaja pravda. 22 fevralja 2022 g. Available at: <https://www.kp.ru/daily/27368/4549442/>. Access date: 02.11.2022. (In Russ.)
- Bogojavlenskij, D.D.* (2018) Jetnicheskij sostav naselenija i vladenie jazykami // Jetnicheskoe i religioznoe mnogoobrazie Rossii / pod red. V.A. Tishkova, V.V. Stepanova. Izdanie 2-e, ispravlennoe i dopolnennoe [Ethnic composition of the population and language proficiency // Ethnic and religious diversity of Russia / Ed by V.A. Tishkov, V.V. Stepanov. 2nd edition, corrected and supplemented]. – М.: IEA RAN. Pp. 22–61. (In Russ.)
- Vodak, R.* (2011) Kriticheskaja lingvistika i kriticheskij analiz diskursa // Politicheskaja lingvistika. № 4(38). Pp. 286–291. (In Russ.)
- Global'nyj plan dejstvij Mezhdunarodnoe desjatiletie jazykov korennyh narodov (2022–2032) [Global Action Plan INTERNATIONAL DECADE OF INDIGENOUS LANGUAGES (2022-2032)] // Available at: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000379851_rus/PDF/379851rus.pdf.multi. Access date: 09.11.2022. (In Russ.)
- Gur'janov, S.* (2022) Dajte tol'ko znak: komu nuzhny novye alfavitny [Just give a sign: who needs new alphabets] // Izvestija. 24 fevralja 2022 // Available at: <https://iz.ru/1295465/sergei-gurianov/daite-tolko-znak-komu-nuzhny-novye-alfavitny>. Access date: 09.07.2022. (In Russ.)
- Deklaracija Organizacii Ob#edinennyh Nacij o pravah korennyh narodov: rukovodstvo dlja nacional'nyh pravozashhitnyh uchrezhdenij (2013) [The United Nations Declaration on the Rights of Indigenous Peoples: a guide for National human rights institutions] // Available at: UNDRIPManualForNHRIs_ru.pdf. Access date: 02.06.2022. (In Russ.)
- Zakon Respubliki Saha (Jakutija) ot 20.02.2004 N 244-III «O statuse jazykov korennyh malochislennyh narodov Severa Respubliki Saha (Jakutija)» [The Law of the Republic of Sakha (Yakutia) of 20.02.2004 N 244-III "On the status of the languages of the indigenous peoples of the North of the Republic of Sakha (Yakutia)"] // Available at: <https://www.sakha.gov.ru/zakon-respubliki-saha-jakutija-20-fevralja-2004-goda-111-z-n-243-iii-o-statuse-jazykov-korennyh-malochislennyh-narodov-severa-respubliki-saha-jakutija>. Access date: 01.06.2022. (In Russ.)
- Kibrik, A.A.* «Istoricheskij shans est', i nado ego ispol'zovat'» (2019) ["There is a historical chance, and we must use it"] // Institut jazykoznanija RAN. Novosti [Institute of Linguistics of the RAS. News]. Available at: https://iling-ran.ru/web/ru/news/190801_kibrik. Access date: 01.11.2022. (In Russ.)
- Kymlicka, W.* (2010). Sovremennaja politicheskaja filosofija: vvedenie [Modern Political Philosophy: Introduction]. М.: Gos. un-t Vysshaja shkola jekonomiki. – 592 p. (In Russ.)

- Malye narody bol'shoj Rossii v perepisi naselenija [Small peoples of Greater Russia in the population census] // Vserossijskaja perepis' naselenija 15 oktjabrja – 14 nojabrja 2021 goda. Press-reliz [All-Russian Population Census October 15 – November 14, 2021. Press release]. Available at: <https://www.strana2020.ru/mediaoffice/malye-narody-bolshoy-rossii-v-perepisi-naseleniya/#:~:text=Po%20dannym%20Vserossijskoj%20perepisi%20naselenija,46%20javljajutsja%20korennyimi%20malochislennymi%20jetnosami>. Access date: 30.10.2022. (In Russ.)
- Ministerstvo inostrannyh del Rossijskoj Federacii. O reshenii Soveta OON po pravam cheloveka po Deklaracii o pravah korennyh narodov. Soobshhenie dlja pečati ot 30.06.2006 [On the decision of the UN Human Rights Council on the Declaration on the Rights of Indigenous Peoples. Press release from 30.06.2006] // Available at: https://www.mid.ru/en/foreign_policy/humanitarian_cooperation/1596259/?lang=ru. Access date: 05.09.2022. (In Russ.)
- Nacional'nye men'shinstva [National minorities] // Bol'shaja sovetskaja jenciklopedija [The Great Soviet Encyclopedia]. M.: BSE 1954. Vol. 29. (In Russ.)
- Prava i vozmozhnosti nositelej jazykov korennyh narodov [The rights and opportunities of native speakers of indigenous languages] // Rossijskaja gosudarstvennaja biblioteka. Vystavka s 4 aprelja po 30 ijunja 2022 goda [Russian State Library. The exhibition from April 4 to June 30, 2022]. Available at: <https://www.rsl.ru/ru/events/afisha/vistavki/prava-i-vozmozhnosti-nositelej-yazykov-korennyix-narodov>. Access date: 01.11.2022. (In Russ.)
- TASS. Chislennost' korennyh malochislennyh narodov v Rossii vyrosla bolee chem na 20% za 30 let (2021) [The number of small indigenous peoples in Russia has grown by more than 20% in 30 years] // Available at: <https://tass.ru/obschestvo/11076891>. Access date: 09.11.2022. (In Russ.)
- Evaluation of UNESCO'S Action to revitalize and promote indigenous languages. March 2021 // Available at: attach_import_35fe0e5c-4c32-4daa-936e-35e44b8d6abe?_=376719eng.pdf - Yandex.Documents. Access date: 06.06.2022.

Примечание

Работа выполнена по Программе фундаментальных и прикладных научных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» 2020–2022 гг.

Мухарямов Наиль Мидхатович – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии, политологии и права ФГБОУ ВП «Казанский государственный энергетический университет».

Адрес: Казань, 420066, ул. Красносельская, 51.

Эл. адрес: n.mukharyamov@yandex.ru

Для цитирования: *Мухарямов Н.М.* Десятилетие языков коренных народов: Вопросы правовой политики [Электронный ресурс]. Социоллингвистика. 2022. № 4 (12). С. 11–28. DOI: 10.37892/2713–2951-4-12-11-28

For citation: *Mukharyamov, N.M.* A decade of indigenous languages: Legal policy issues [online] // Sociolinguistics. 2022. No. 4 (12). Pp. 11–28. (In Russ.) DOI: 10.37892/2713–2951-4-12-11-28